

**ОБРАЗ МИРА В ДРЕВНЕМ СЛАВЯНСКОМ ДИСКУРСЕ:
К ВОПРОСУ ОБ ИНТРОВЕРТИРОВАННОСТИ ДРЕВНИХ ДИСКУРСОВ**

Утверждение о том, что в основе каждого дискурса лежит концептуальный образ мира, уже не нуждается в доказательствах. Характер подобных моделей, их число и способы употребления зависят как от самого человека, так и от среды и условий, в которых он существует, в которых не последнюю роль играет конкретная историческая эпоха. Можно предположить, что образ мира, на основе которого создается дискурс, может быть удален от действительности в большей или меньшей степени. На глубину этой удаленности влияют не только реальные условия протекания человеческой деятельности, но и правила, на нее накладываемые, имманентные, а часто и эксплицированные в специальных руководствах, а также законы построения дискурса, отражения в дискурсе реальности.

Основным источником построения образа мира, прежде всего, является человеческая деятельность. С одной стороны, это деятельность, направленная на существование человека в окружающем его мире и обустройство этого мира, с другой стороны, это речевая деятельность, одной из важнейших задач которой является обустройство человеческого сознания. Общим для двух этих видов деятельности, по-видимому, можно считать то, что и в одном, и в другом случае осуществляется коммуникация, общение человека с себе подобными, которая предполагает наличие знакового элемента.

Образ мира, строится, с одной стороны, под давлением текстов действительности, продуктов человеческой работы в мире, поскольку человек начинает свою жизнедеятельность не с самостоятельного созидания, а с освоения созданного. Постепенно он сам включается в процесс взаимодействия с реальностью, используя ту систему, которая у него сложилась, и не только преобразует (или пытается преобразовать) реальность, но и соответствующим образом корректирует свое сознание.

С другой стороны, образ мира формируется при помощи вербальных дискурсов. Если говорить об этой второй стороне формирования образа мира более подробно, то следует отметить, что информация, проникающая этим путем, будет, по крайней мере, двоякого рода. Во-первых, это атомарная информация, привносимая элементарными лексическими и грамматическими значениями. Во-вторых, это полный смысл дискурса (но выводимый, как известно, из значений отдельных лексем), готовый слепок действительности, изготовленный иным человеческим сознанием, действительности, нередко не известной сознанию реципиента.

Образ мира, созданный подобным путем, оказывает обратное влияние на породившие его структуры. Устанавливая коммуникацию с себе подобными, человек производит свои собственные дискурсы, где усвоенные значения неминуемо преобразуются. Отклонения от языкового кода вносят изменения в сам языковой код, который начинает обратное влияние на систему концептов.

Следовательно, комплексный образ мира в сознании человека складывается как за счет реальной действительности, так и за счет действительности идеальной, концентрирующейся в сознании человека в основном под воздействием дискурсов. Можно предположить, что некоторые из этих образов будут складываться под преимущественным влиянием реальности, другие, наоборот, воспримут в качестве своей основы иллюзорную действительность, привнесенную чужими дискурсами и идеальной системой языковой семантики.

Также и дискурсы, продуцируемые человеком, можно разделить на два типа. Первый можно определить как экстравертированный тип, поскольку лежащий в его основе образ мира питается информацией, поступающей преимущественно из реальности. Примером абсолютизации подобных способов креации образа мира, лежащего в основе художественного дискурса, является литература, основанная на принципах позитивизма, процветавшая в Европе и Америке второй половины XX века. Другой пример неизбежности дискурсивных построений, опирающихся на экстравертированный образ мира, — это современный публицистический дискурс, живо реагирующий на все изменения окружающей действительности. Именно на анализ подобного рода продукта направлены, в частности, усилия Т.А. ван Дейка и его школы (см., например, [11]).

Второй тип дискурса можно определить как интровертированный, поскольку на формирование образа мира действительность, окружающая создавшего его человека, не оказывает существенного влияния, и все концепты, формирующие этот образ, складываются под влиянием чужого опыта. Разумеется, чаще всего мы имеем дело с дискурсами смешанного типа, в которых взаимодействие подлинной и мнимой информации дополняется также и вкладом самого порождающего сознания, вносящего в производимый дискурс и свой собственный взгляд на мир.

Приступая к построению образа мира, лежащего в основе любого дискурса, следует определить, каковы были законы его построения, во-первых, и соответствует ли им рассматриваемый дискурс, во-вторых. В каждую эпоху, как известно, обнаруживаются произведения, нарушающие определенные законы, но зато прекрасно вписывающиеся в принципы иного исторического периода.

Так, например, можно с уверенностью утверждать, что в основе произведений древнеславянских книжников лежал именно экстравертированный образ мира. Пути формирования модели для древнеславянского книжника были достаточно сложны. Она создавалась на основе шаблонов и схем, сходных с теми, которые использовали его предшественники по крайней мере с IV в. Эта модель определяла не только внутреннюю концептуальную наполненность, но и внешние композиционные правила. Именно эта модель задавала тот мир, который должен быть эксплицирован в тексте.

Однако шаблон не был дан книжнику в готовом виде — «бросается в глаза почти полное отсутствие риторических руководств» [6, с. 134]. Основным источником создания модели являлся текст. При этом чужой текст определял не только содержательную, но и более глубокие языковые характеристики со-

здаваемого произведения вплоть до морфологических и синтаксических конструкций (см. [3, с. 46]). Разумеется, модель мира, созданная на основе чужих текстов, отстоящих от создателя модели более чем на семь столетий, мало была связана с реальностью. Эта отдаленность могла увеличиваться также за счет того, что многие тексты воспринимались на чужом языке и вносили содержательные и формальные структуры чужого языка — есть убедительные свидетельства, что Кирилл Туровский читал по-гречески и переводил с греческого (см., например, [12, с. 245]).

Не только дискурс, создаваемый творческими усилиями туровского проповедника, испытывал влияние чужих творений. В таком же положении оказывались все средневековые произведения вне зависимости от жанра, причем это влияние могло проявляться на различных уровнях.

Автор дискурса мог вдохновляться Священным писанием или творениями византийских отцов церкви. Так, Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет «о том, что он собрал полюбившиеся ему слова и расположил их по порядку. Действительно, вслед за этим кратким введением в “Поучении” находим большое собрание выписок из Псалтыри и из других книг» [5, с. 137]. Причем и в случае, когда ему нужно было представить величие божьего домостроительства, красоту мира, которую, казалось бы, каждый может лицезреть своими глазами, Мономах обращается к «Шестодневу» Иоанна Экзарха Болгарского [5, с. 137]. Подобные заимствованные фрагменты настолько органически вписывались в ткань дискурса, что нередко исследователи нового времени принимали их за собственные творения; так, например, исследователь древнерусской литературы А.В.Соловьев в «Слове о погибели земли русской» счел собственным описанием «северного пейзажа озерной полосы» [9, с. 79–80] вставку, восходящую к упомянутому «Шестодневу» [5, с. 227], который сам опирался на богословско-полемические сочинения Отцов церкви II-V веков. Так обстояло дело, когда шла речь о представлении в тексте вневременной реальности, вечной и неизменной.

Во многих случаях у создателей средневекового дискурса не было иного выхода, как только воспользоваться существующим письменным источником или устной традицией, поскольку момент события и момент создания дискурса могли отделяться друг от друга интервалом в несколько столетий. Это можно продемонстрировать на примере разнообразнейшей житийной литературы: «Есть ряд житий, сюжет которых полностью определяется древними мифами, как, например, широко известные жития Георгия Победоносца и Феодора Стратилата, в основе своей представляющие миф о змееборце. Некоторые жития являются грубой перелицовкой античного романа. Так, например, житие Галактиона и Епистимии представляет собой плохую переделку романа Ахилла Тациа. В этом случае даже имена действующих лиц в обоих произведениях (житии и романе) одинаковы» [1, с. 89].

Невозможность создавать житие «по горячим следам», а, следовательно, пользоваться свежей информацией, наблюдается и в случае создания дискурсов, посвященных собственным русским святым, поскольку их культ не скла-

дывался одномоментно. Так, «Сказание о Борисе и Глебе», самый интересный литературный памятник из цикла произведений об убиенных в 1015 г. сыновьях Владимира, как предполагается, «не могло быть написано ранее 1115 г.» [7, с. 404], оно, скорее всего, возникло после перенесения их мощей и канонизации, то есть через сто лет после описываемых в нем событий, следовательно, его анонимный автор также был вынужден пользоваться чужим дискурсом — или летописной повестью, или устной легендой.

И даже если в составе дискурса не наблюдается прямых цитат из чужих творений, могла заимствоваться сама его структура. В.В.Колесов, говоря о создании древнерусского литературного языка и литературных произведений отмечает, что «нормирующим фактором в таких условиях оставалась введенная извне форма, развившая свои образцы в литературном тексте» [4, с. 11], и приводит примеры структурных заимствований в легенде о смерти Олега из евангельских притч [4, с. 28].

Даже в личном дневнике, который мы знаем как «Хождение за три моря», свободном от канонов и традиций древнерусской церковной или официальной светской литературы, Афанасий Никитин, по крайней мере, в одном фрагменте погружается в фантастическую реальность и рассказывает о птице «гукук», испускающей огонь, и об обезьяннем царе, посылающем многочисленную рать на своих противников (см., например, [Словарь книжников 1988, с. 85]). Неизвестно, опять-таки, насколько можно доверять и остальным, описываемым в «Хождении» деталям, поскольку Афанасий Никитин существовал именно в контексте упомянутого выше «исторически раннего художественного метода», а в дискурсе, создаваемом по законам его парадигмы, реалии не играют той роли, какую мы наблюдаем в дискурсе современном.

Исследователи, воссоздающие замечательные пейзажи дикой степи на основании «Слова о полку Игореве», часто не принимают во внимание тот факт, что это «плоды нашего воображения, действующего под влиянием воспитанной на литературе нового времени потребности «видеть» то, что описывается в литературном произведении» [5, с. 227]. Отмечается также, что «у описателя-«историка» всегда остается свобода домысла на разных уровнях текста, и важно и желательно только отдавать отчет себе в том, что мера этой свободы должна быть известна самому описателю, и что мера в разные эпохи и в разных традициях — разная» [10, с. 27].

При этом свобода домысла имеет место даже при цитировании текстов Священного писания. Например, в проповедях может быть совершенно не важно, действительно ли цитата соответствует тексту первоисточника. Например, у Кирилла Туровского встречаем: Моисий тако въписа: И створи Богъ *пятью* день всю тварь видимую, елико на земли и елико на небеси [2, с. 346] — в данном случае перед нами неточная цитата из книги Бытия, гл. 1. Она неточна как по форме, так и по содержанию. К концу пятого дня появились обитатели вод и воздуха. «Зверей земных по роду их» Бог создал в шестой день. В некоторых случаях даже источник может быть указан ошибочно. Так, в «Слове о слепце» туровского проповедника следующий фрагмент дается со ссылкой на

Иеремию — се Богъ нашъ на земли явися и съ челове́кы поживе, и вси держащеися понь живутъ, и оставльше его умруть [2, с. 346]. На самом деле это Варух 3, 36, 38 и 4, 1. Это наводит на мысль о том, что фрагменты божественных текстов выполняют в рассматриваемых дискурсах функцию более важную, нежели создание иной реальности — они являются знаком обращения к авторитету, тем самым создавая вокруг текста ореол истинности.

Таким образом, древний славянских дискурс, по крайней мере, тот, который создавался на землях *Slavia Orthodoxa* можно определить как дискурс интровертированного типа, т.е. такой, в основу построения которого кладется образ мира особого рода — максимально отвлеченный от современной автору действительности, сформированный, в первую очередь, на основе чужих текстов. Основную роль в формировании образа мира, безусловно, играет реальность Священного писания и творения отцов церкви, однако было бы грубым упрощением сводить эту концептуальную модель к механическому отражению библейского или какого бы то ни было иного дискурса. Интровертированный образ мира не задается конкретным дискурсом и не отражает его с фотографической точностью, он лишь формируется под влиянием чужой реальности, творчески перерабатываемой или плохо усвоенной собственным сознанием автора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Еремин И. П., Скрипиль М. О. Житийная литература [в переводах XI — начала XIII века] // История русской литературы: В 10 т. — Т. I. Литература XI — начала XIII века. — Москва, Ленинград, 1941. — С. 87–113.
2. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. — 1958. — Т. 15. — С. 331–348.
3. Живов В.М. *Ursus scribendi*. Простые претериты у летописца самоучки // *Russian linguistics*. — 1995. — [Т.] 19. — С. 45–75.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. — Ленинград, 1989.
5. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. — Ленинград, 1986.
6. Лунде И. Риторика и проблема жанра // *Scandoslavica*. — 1995. — Т. 41. — С. 131–144.
7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.) — Ленинград, 1987.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. (вторая половина XIV в. — XVI в.) — Ленинград, 1987.
9. Соловьев А.В. Заметки к слову о гибели Рускыя земли // ТОДРЛ — 1958. Т. 15. — С. 79 — 80.
10. Топоров В.Н. Страничка из истории Новгорода (к ранним русско-итальянским встречам) // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А.Зализняка*. — М., 1996. — С. 11 — 28.
11. Dijk T.A. van. The study of discourse // *Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. — Vol. 1. — London, New Delhi: Sage Publications, 1997. — P. 1–35.
12. Tschizewskij D. Die Zeit der Teilfürstentümer. Predigt. // Tschizewskij D. *Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert*. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1948. — S. 243–257.